

вив общество в зависимость от тех его фракций, которые осуществляют не самые интеллектуальные и моральные функции, но самые необходимые, что и дает возможность навязать свою волю другим, а это как раз и характерно для военной функции.

39. Последние страницы девятой главы были, как вся книга, написаны в 1896 г., т.е. тогда, когда нельзя было предвидеть великую европейскую войну, которая разразилась в 1914 г., а созревала в предшествующие этому годы. Сегодня можно смело утверждать, что великая европейская война властно изменила ход событий почти во всем цивилизованном мире. Она не была чужда ни экономическим интересам, ни моральным противоречиям, о которых мы упоминали выше.

Перевод с итальянского А.Б. Рахманова

РОБЕРТ РЕДФИЛД

НАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО*

III

Эту характеристику идеального народного общества можно было бы существенно расширить. Разные элементы, составляющие эту концепцию, можно было бы по-разному скомбинировать друг с другом, и можно было бы развить или дополнительно подчеркнуть тот или иной из моментов и показать его связи с другими аспектами данной концепции. Например, можно было бы отметить, что там, где мало выражено или вовсе отсутствует систематическое и рефлексивное мышление, обычные решения проблем практического действия лишь отчасти принимают форму реально эффективного и понимаемого контроля над средствами, пригодными для достижения желаемой цели, и что вместо этого они тяготеют к выражению состояний духа индивидов, которые желают вызвать целевое состояние и боятся, что оно может так и не появиться.

Мы говорим это коротко, когда заявляем, что народное общество характеризуется обилием магии, ибо под «магией» мы можем понимать действие по отношению к цели — инструментальное действие, — но лишь такое инструментальное действие, которое не вызывает с эффективностью этот результат или не сопровождается реальным пониманием того, как оно его вызывает, если оно его вызывает, и которое является скорее выражающим то, как делающий мыслит и чувствует, нежели адаптированным к достижению цели. «Магия основывается на специфическом переживании эмоциональных состояний... в котором истина раскрывается не разумом, а воздействием эмоций на человеческий организм... магия держится на вере в то, что надежда не может не оправдаться, а желание не может обмануть» [5, 80]. В народном обществе эффективное техническое действие во многом смешивается с магической деятельностью. То, что делается, имеет тенденцию принимать форму маленькой драмы; это изображение желаемого.

Рахманов Азат Борисович — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва). E-mail: azrakhmanov@mail.ru.

---

* *Продолжение.* Начало см.: 2008. Т. 10. Вып. 5-6. Перевод выполнен с источника: *Redfield R. The Folk Society // American Journal of Sociology. 1947. Vol. 52. № 4. P. 293-308.*

Природу народного общества можно было бы, вообще говоря, переопределить в форме описания народного сознания (folk mind). Это описание было бы в значительной мере повторением того, что было написано на предыдущих страницах, за исключением того, что теперь акцент делался бы на ментальную деятельность, характерную для членов народного общества, а не на обычаи и институты. Человек народного общества склонен проводить умственные связи, являющиеся скорее личными и эмоциональными, нежели абстрактно-категориальными или определяемыми в терминах причины и следствия. «Примитивный человек не только видит каждое действие приуроченным к его основной цели, а каждую мысль связанной с его основной целью, как мы их воспринимаем, но... он ассоциирует их с другими идеями, часто имеющими религиозную или, по крайней мере, символическую природу. Таким образом, он придает им более высокую значимость, чем они, как нам кажется, заслуживают» [1, 226]. Очень похожее суждение об этом виде мышления было выражено в связи с мышлением средневекового человека; это описание в такой же мере подошло бы и к человеку в народном обществе:

«Символизм, рассматриваемый с точки зрения каузального мышления, представляет собой нечто вроде умственного короткого замыкания. Мысль ищет связь между двумя вещами не вдоль скрытых витков их причинной взаимозависимости — она обнаруживает эту связь внезапным скачком, и не как связь между причиной и следствием, но как смысловую и целевую. Убеждение в наличии такой связи может возникнуть, как только две вещи обнаруживают одно и то же существенное общее свойство, которое соотносится с некоторыми всеобщими ценностями...

Символическое уподобление на основе общности отличительных признаков имеет смысл лишь тогда, когда эти признаки являются для данных вещей чем-то существенным, когда свойства, которыми обладают как символ, так и символизируемое, рассматриваются в качестве их действительной сущности. Алые и белые розы цветут в окружении шипов. Средневековый ум сразу же усматривает здесь символический смысл: девы и мученики сияют красотою в окружении своих преследователей. Как происходит это уподобление? Из-за наличия одинаковых признаков: красота, нежность, чистота, кровавая алость роз те же, что у дев и мучеников. Но такая взаимосвязь только тогда действительно обретает значение и полноту мистического смысла, когда в связующем члене, то есть в данной особенности, заключена сущность обоих терминов символического сопоставления; иными словами, когда алость и белизна считаются не просто обозначающими физические различия по количественному принципу, но рассматриваются как реалии, как факты действительности. Таковыми может видеть их и наше мышление — всякий раз, когда оно обращается к мудрости дикаря, ребенка, поэта и мистика, для которых природные свойства вещей заключаются именно в их всеобщих особенностях» (см. прим. 1).

Склонность трактовать природу как наделенную личностными характеристиками освещается в литературе как «анимистическое» или «антропоморфическое» качество примитивного мышления; особенно исследовался контраст между паттерном мышления в терминах «средств—целей», более характерным для современного городского человека, и личностным мышлением примитивного человека [3, 533-556; 4].

В предшествующем описании не было упомянуто отсутствие в народном обществе экономического поведения, характерного для рынка. В идеальном народном обществе члены связаны религиозными и родственными узами, и для мотива

коммерческой выгоды нет места. Денег нет, и ничто не измеряется каким-либо подобным общим знаменателем ценности. Распределение благ и услуг имеет тенденцию быть аспектом конвенциональных и личностных статусных отношений, составляющих структуру общества: обмены благами являются выражениями доброй воли и, по большей части, сопутствуют церемониальным и ритуальным деятельности. «В целом, следовательно, принуждение к труду, сбережению и трате исходит не столько из рациональной оценки [материальных] выгод, могущих быть полученными, сколько из желания добиться таким поведением социального признания» (см. прим. 2).

Концепция, коротко очерченная здесь, обретает смысл, если народное общество видится в контрасте с современным городом. Огромный, сложный и быстро меняющийся мир, в котором живут сегодня горожанин и даже урбанизированный сельский житель, чрезвычайно отличен от небольшого, замкнутого в себе народного общества с его хорошо интегрированными и мало меняющимися моральными и религиозными концепциями. Когда-то все люди жили в этих маленьких народных обществах. Многие тысячи лет люди были вынуждены жить так; урбанизированная жизнь началась лишь совсем недавно, если иметь в виду долгую историю существования человека на земле, что же касается крайнего развития секуляризованного и стремительно меняющегося мирового общества, то ему и вовсе несколько поколений.

Племенные группы, еще сохраняющиеся на краях расширяющейся цивилизации, являются небольшими остатками этого исходного состояния жизни. Рассматривая их одну за другой и сравнивая с письменными или полуписьменными, индустриализированными и полуиндустриализированными обществами, мы можем выяснить, как каждая развивала формы социальной жизни в соответствии со своими особыми обстоятельствами. У полярных эскимосов, где каждой маленькой семье в условиях суровой арктической среды, несмотря на огромную значимость родственных уз, приходилось полагаться лишь на себя, не сложилось ни кланов, ни каких-либо других крупных унитарных родственных групп. Оседлые хайда на островах Королевы Шарлотты были поделены на две экзогамные родственные группы, каждая из которых состояла из кланов, и члены этих групп очень гордились достойным и здоровым соперничеством между ними. У воинственных кочевых команчей инициатива и находчивость ценились выше, чем у оседлых и связанных тесной взаимозависимостью зуны.

В Западной Африке образовались туземные государства с вождями, судами и рынками, тем не менее родственная организация сохраняла прочность; а в Китае мы имеем пример медленного роста большого общества с грамотной элитой, заключающего в себе множество деревенских сообществ народного типа. Там, где росли города, сельские люди, находясь в зависимости от этих городов, развивали экономические и политические связи, а также статусные отношения с городскими людьми и, тем самым, становились тем особым типом сельского люда, который мы называем крестьянством [6]. И даже в новейших частях мира, как, например, в Соединенных Штатах, многие деревни и небольшие городки имеют сходств с народным обществом, пожалуй, не меньше, чем с городской жизнью.

Таким образом, общества мира не расставляются в одном порядке с точки зрения степени, в которой они воплощают все характеристики идеального народного

общества. С другой стороны, некоторые из этих характеристик проявляют столь заметную тенденцию проявляться вместе с другими, что связи между ними должны быть в немалой степени связями взаимозависимых переменных. На самом деле некоторые из этих взаимосвязей настолько очевидны, что мы вообще не чувствуем в них проблемы. Небольшой размер народного общества и длительная совместная ассоциация одних и тех же индивидов явно связаны с преимущественно личным характером отношений. Немногочисленность вторичных и третичных орудий и отсутствие машинного производства представляют собой условия, явно неблагоприятные для очень сложного разделения труда. Множество проблем создают для нас, однако, условия, в которых некоторые из этих характеристик не проявляются в ассоциации, и обстоятельства, при которых от некоторых из них можно ожидать изменения в направлении их противоположностей с оказанием или без оказания изменяющего воздействия на другие характеристики.

Изучение локальных различий в праздновании дня святого-покровителя деревни в некоторых сообществах Юкатана показывает, что в этом случае существуют некоторые взаимосвязи [7]. Во всех четырех сообществах, различающихся степенью своей изоляции от городских центров модифицирующего влияния, праздник выражает связь между деревней и ее святым-покровителем (или крестным), которая ежегодно обновляется. В нем ритуал и культ соединяются со значительной долей игры. Главные деятельности этого праздника — это новена, народный танец и деревенский бой быков. Во всех четырех сообществах мы находим организацию мужчин и женщин, которые в этот год берут на себя руководство праздником, а в момент его кульминации передают эту ответственность соответствующей группе преемников.

До сих пор этот институт одинаков во всех изучаемых сообществах. Различия проявляются при сравнении деталей ритуала, игры, организации праздника и при исследовании существенных значений этих актов и организаций. Тогда выясняется, что из глубоко священного акта, совершаемого деревней как коллективом, образованным из семейно определенных составных групп, и тесно связанного с системой религиозных и моральных понятий народа, в более урбанизированных сообществах праздник становится, главным образом, возможностью отдохнуть для одних и получить финансовую выгоду для других, мало связанной с моральными и религиозными представлениями.

В тех исследованных сообществах, которые являются наиболее обособленными и в иных отношениях наиболее похожими на народные, организация праздника плотно интегрирована со всей социальной структурой сообщества. Иерархия лидеров сообщества, чьи обязанности являются одновременно гражданскими и религиозными, повторяется в празднике: вожди — люди, разрешающие споры и лидирующие в войне, — занимают также основные места в религиозных процессиях и в руководстве церемониями. Сообщество, включающее несколько соседствующих поселений, делится на пять групп, членство в которых передается по мужской линии.

Ответственность за руководство молебнами и приготовление праздничных яств ложится на четырех мужчин, выбираемых по очереди от каждой из пяти групп. Праздник проводится в главной деревне, в храме, дающем приют крестному покровителю всего сообщества. Праздник образуют в основном торжественные религиозные акты: мессы, чтение молитв, процессии скульптурных изображений святого, коленипоклонение участников. Особый служитель со всей торжественностью прино-

сит ритуальные жертвы святому-покровителю; когда приносятся жертвы, некоторые символы божества выносятся из храма и ставятся перед коленопреклоненными людьми. Передача ответственности за руководство праздником сопровождается церемонией, проводимой в атмосфере священного благоговения: некоторые ритуальные принадлежности сначала кладутся на алтарь, а затем, после прочтения молитв и исполнения религиозного танца, передаются на виду у всех теми, кто хранил эту священную ответственность в этот год, их преемникам.

В деревнях менее изолированных праздник схож по форме, но уже не так хорошо интегрирован с социальной организацией сообщества, менее сакрален и дает простор для большей индивидуальной предприимчивости и ответственности. Эти изменения заходят все дальше в других изученных сообществах, по мере приближения к городу Мерида. В некоторых прибрежных деревнях праздник святого-покровителя оказывается прибыльным финансовым предприятием немногих светски мыслящих горожан. Новена находится в руках нескольких женщин, не принимающих никакой помощи от муниципальных властей; бой быков – коммерческое развлечение, по случаю которого нанимают профессиональных тореадоров и матадоров, и вход на него платный; на народный танец мало кто ходит. Праздником наслаждаются молодые люди, приходящие танцевать современные танцы и посмотреть бой быков; для торговцев это возможность сделать прибыль. То, что было институтом народной культуры, стало деловым предприятием, в котором индивиды как таковые участвуют ради мирских целей.

Основной вывод таков, что менее изолированные и более гетерогенные сообщества полуострова Юкатан являются более секулярными и индивидуалистическими и в большей степени характеризуются дезорганизацией культуры. Кроме того, показалось вероятным, что в изменениях, происходящих на Юкатане, имеется связь взаимозависимости между этими изменяющимися характеристиками, особенно между дезорганизацией культуры и секуляризацией. «Люди перестают верить, потому что перестают понимать, и перестают понимать, потому что перестают делать вещи, выражающие понимания» [7, 364]. Новые работы и другие изменения в разделении труда приводят к тому, что люди не могут участвовать в старых ритуалах; и, переставая участвовать, они перестают разделять ценности, которые стояли за этими ритуалами. Но это, конечно, только часть объяснения.

Концепция народного общества побудила одну небольшую группу полевых исследователей рассмотреть взаимозависимость или независимость этих характеристик общества. На Юкатане обнаружилась регулярная ассоциация таких черт, как изоляция, гомогенность, личностное и «символическое» видение природы, важность семейных связей, высокая степень организации культуры и священность санкций и институтов. Позднее было сообщено, что в некоторых индейских сообществах на озере Атитлан или около него в Гватемале эта ассоциация характеристик не воспроизводится [8, 467]. Оказалось, что эти гватемальские сообщества не пребывали в быстром изменении, а сохраняли свою сущностную природу, из чего был сделан вывод, что «стабильное общество может быть маленьким, простым, гомогенным в плане представлений и практик», иметь локальную, хорошо организованную культуру, но при этом быть обществом, в котором «отношения безличны, акты индивидов диктуются формальными институтами, семейная организация слаба, жизнь секуляризована, и индивиды исходят в своих действиях в большей степени из сообра-

жений экономической или иной личной выгоды, чем из какого-либо глубокого убеждения или мысли о социальном благе».

Далее указывалось, что в этих гватемальских обществах «примитивное мировоззрение», т.е. склонность трактовать природу в терминах личностных сил, толковать атрибуты как сущности и проводить «символические», а не каузальные связи, сосуществует с тенденцией отношений между человеком и человеком быть безличными, коммерческими и секулярными, какими они имеют тенденцию быть в городском обществе [9, 27-42].

Эти наблюдения привели, в свою очередь, к пересмотру условий, которые имеют тенденцию вызывать один вид общества или его аспект, а не другой. Крушение семейных институтов, происходившее в последнее время в западном обществе, часто объясняется развитием города и современной промышленности. Если и в самом деле, как сообщалось, семейные институты слабы в этих гватемальских деревнях, то у краха семьи должны быть какие-то причины, альтернативные развитию промышленности и росту города, ведь эти гватемальские индейцы живут в своих хозяйствах или неподалеку от них, практикуют домашнее ремесленное производство и мало либо никак не связаны с городами. Было предположено, что в случае гватемальских обществ развитие — отчасти до Конкисты, а отчасти после нее — денежной экономики с мелкой торговлей, базирующейся на широком региональном разделении труда, вместе с системой регуляций, навязываемой с помощью силы со стороны элиты, возможно, составляет тот набор условий, который вызвал падение значимости семейных институтов и индивидуальную независимость, особенно в вопросах добычи средств к существованию [7, 365-367].

Секулярный характер жизни в этих высокогорных деревнях в окрестностях озера Атитлан не укоренен так прочно, как в индивидуализированном характере жизни, но если там и в самом деле жизнь секулярна, то это секулярность, развившаяся без влияния высокой персональной мобильности, машины и науки. В широко известном очерке Макс Вебер показал, как в случае пуритан капиталистический коммерциализм мог соседствовать и соседствовал с набожностью [10, 163-195]. Так что может оказаться, что при определенных условиях письменное и даже, по крайней мере отчасти, урбанизированное общество может быть и в высокой степени коммерческим, и священным — пример чего дают также евреи, — тогда как в некоторых других условиях люди, схожие в иных отношениях с народными, могут стать индивидуалистическими, склонными к коммерции и, возможно, секулярными. Важно, конечно, определить ограничивающие условия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Boas F.* The Mind of Primitive Man. N.Y., 1938.
2. *Fullerton K.* Calvinism and Capitalism // Harvard Theological Review. Vol. XXI.
3. *Kelsen H.* Causality and Retribution // Philosophy of Science. Vol. VIII. № 4 (October, 1941).
4. *Kelsen H.* Society and Nature. Chicago, 1944.
5. *Malinowski B.* Magic, Science and Religion // *Needham J.* (ed.) Science, Religion and Reality. N.Y., 1925.
6. *Redfield R.* Introduction // *Miner H.* St. Denis: A French-Canadian Parish. Chicago, 1940.
7. *Redfield R.* The Folk Culture of Yucatan. Chicago, 1941.
8. *Tax S.* Culture and Civilization in Guatemalan Societies // Scientific Monthly. Vol. XLVIII (May, 1939).
9. *Tax S.* World View and Social Relations in Guatemala // American Anthropologist. Vol. XLIII, N 1 (new ser.). (January—March, 1941).
10. *Weber M.* Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism.

Примечания

1. *Huizinga J.* The Waning of the Middle Ages. London, 1924. P. 184-185 [цитируется по русскому переводу: Хёйзинга Й. Осень средневековья. М., 1998. С. 223-224. — Прим. перев.]. Этот «символический» вид мышления связан с тем, что Леви-Брюль назвал «партиципацией». См. особенно главу II в: *Levy-Bruhl L.* How Natives Think. New York, 1925 [рус. пер: Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб., 2002. — Прим. перев.].

2. *Firth R.* Primitive Economics of the New Zealand Maori. New York, 1929. P. 484. См. также: *Firth R.* Primitive Polynesian Economy. London, 1939, особенно гл. X («Характеристики примитивной экономики»).

3. *Weber M.* Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. Цит. по: *Fullerton K.* Calvinism and Capitalism // Harvard Theological Review. Vol. XXI. P. 163-195.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

ПОЛ ФЕЙЕРАБЕНД

НАУКА В СВОБОДНОМ ОБЩЕСТВЕ*

ЧАСТЬ I. РАЗУМ И ПРАКТИКА

3. О космологической критике стандартов

Теперь эти результаты я проиллюстрирую некоторыми примерами, показав, каким образом стандарты подвергались критике в физике и астрономии и как этот образ действий можно распространить на другие области.

В начале §2 была поставлена общая проблема взаимоотношений между разумом и практикой. В моем примере Разум воплощается в научной рациональности, практика — в практике научного исследования, а проблема становится вопросом о взаимоотношениях между научной рациональностью и исследованием. Я буду рассматривать решения этой проблемы, предлагаемые идеализмом, натурализмом и третьей, ранее не упоминавшейся концепцией, которую я буду называть наивным анархизмом.

Согласно *идеализму*, требуется рационально (в соответствии с волей бога или еще по какой-то причине, навязываемой простодушным аборигенам) действовать определенным образом — *и будь, что будет*. Рационально (нужно и т.п.) убивать врагов веры, избегать гипотез *ad hoc*, умерщвлять плоть, избегать противоречий, поддерживать прогрессивные исследовательские программы и т.д. Рациональность (право, Божественное установление) универсальна, она не зависит от настроений, контекста, исторических обстоятельств и порождает столь же универсальные правила и стандарты.

Существует разновидность идеализма, которая представляется несколько более тонкой, но в действительности не дает ничего нового. Рациональность (закон и т.п.)

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета — Высшей школы экономики (Москва). Наш постоянный автор. E-mail: vnik1968@yandex.ru.

---

* *Продолжение*. Начало см.: 2008. Т. 10. Вып. 5-6. Перевод выполнен с источника: *Feyerabend P.K.* Science in a free society. London, 1978.